
Е.Н. Пенская

Статья поступила
в редакцию
в феврале 2009 г.

«1968» В ПРЕССЕ 2008 г.

РОССИЙСКАЯ ЖУРНАЛИСТИКА 1960-х КАК ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ СРЕДА¹

На основании обзора архивных материалов и публицистики, посвященных сорокалетию событий 1968 г., автор делает вывод о том, что в этой теме еще осталось много «белых пятен». Одно из них — советская журналистика 1960-х годов, как официальная, так и диссидентская. В ту эпоху политические и культурные условия в СССР сложились так, что пресса стала мощной и активной силой, вторгающейся в разные сферы, в том числе в образование и науку. В те годы пресса взяла на себя целый ряд изначально не свойственных ей функций, в том числе традиционных для образовательных институтов. В статье описаны механизмы тесного сотрудничества и взаимовлияния журналистики, образования и науки, которые стали, в частности, важным фактором публичной экспертизы.

Книги

1. Пазолини П.П. «Компартия — молодежи!» Стихотворения 1968 года и дискуссия о нем. Свободное марксистское издательство, 2008.
2. Шинкарев Л. Я это все почти забыл... Опыт психологических очерков событий в Чехословакии в 1968 году. М.: Собрание, 2008.
3. Шубин А. Диссиденты, неформалы и свобода в СССР. М.: Вече, 2008.
4. Курлански М. 1968. Год, который потряс мир. М.: АСТ: АСТ Москва: ВКТ, 2008.
5. Баренгольц Ю.В. Ваш год рождения — 1968. М.: Анаграмма, 2008.

Периодика

1. Алексеев А. Чехословакия, 40 лет назад // Международная жизнь. 2008. №7.
2. Алексеева Л. 40 лет назад советские войска вторглись в Чехословакию <http://mhg.ru> 19.08.2008
3. Великовский Д., Хестанов Р., Тарасевич Г., Бурмистров П., Жутаев Д. 1968: год великого перелома // Русский репортер. № 16 (46). 2008. 1 мая. http://www.expert.ru/printissues/russian_reporter/2008/16/god_velikogo_pereloma/
4. «В наши годы протест одного значил больше». Павел Литвинов — Владимиру Войне // The New Times. 2008. № 33 (79). 17 августа.

¹ Работа выполнена при участии О. Цыкаревой и К. Егоровой, студенток отделения деловой и политической журналистики ГУ–ВШЭ.

5. «Для каждого это был личный поступок». Александр Даниэль — Андрею Колесникову // The New Times. 2008. № 33 (79). 17 августа.

6. Жукова А. Революция номер девять. Советская пресса о партийности бытия // Русская жизнь. 1968 (2008. 22 мая). <http://www.rulife.ru/index.php?mode=arhiv>

7. Журнал «Неприкосновенный запас» № 4 (60) за 2008 г. полностью посвящен событиям 1968 г. (около 25 публикаций).

8. Ипполитов А. Гимн Свободе, ведущей народ // Русская жизнь. 1968 (2008. 22 мая). <http://www.rulife.ru/index.php?mode=article&artID=724>

9. Кагарлицкий Б. Два мира в зеркале 1968 года // Русская жизнь. 1968 (2008. 22 мая). <http://www.rulife.ru/index.php?mode=article&artID=718>

10. Кашин О. Хроника утекших событий. Наталья Горбаневская: немонотонная речь // Русская жизнь. 1968 (2008. 22 мая) <http://www.rulife.ru/index.php?mode=article&artID=725>

11. Клуссманн У. Саша, но и ты меня пойми // Профиль. 2008. № 27 (582). 14 июля.

12. Можегов В. Шестьдесят восьмой и другие годы // Континент. 2008. № 137. <http://magazines.russ.ru/continent/2008/137/mo13.html>

13. Олейник А. Смена поколений в элите и стабильность социально-политической системы // Отечественные записки. 2008. № 4 (43) <http://www.strana-oz.ru/?numid=45&article=1721>

14. Ольшанский Д. Движуха // Русская жизнь. 1968 (2008. 22 мая). <http://www.rulife.ru/index.php?mode=article&artID=719>

15. Пуль Я. Затишье после танков // Профиль. 2008. № 27 (582). 14 июля.

16. Революционный процесс длится вечно. Интервью Сильвера Лотринге с Антонио Негри (пер. А. Неклюдовой) // Artforum. 2008. № 9 (46). http://scepis.ru/library/id_2111.html

17. Салих М. Свобода невооруженного человека // Еженедельный журнал. 2008. 26 августа. <http://www.ej.ru/?a=note&id=8343>

18. С чехами не ввязываться в драку! // Коммерсантъ — Власть. 2008. № 32 (785). 18 августа.

19. Харитонов М. Не досталось им даже по пуле // Русская жизнь. 1968 (2008. 22 мая). <http://www.rulife.ru/index.php?mode=article&artID=717>

20. Хестанов Р., Андреева О. Конец эпохи революций: Что дальше? // Русский репортер. 2008. № 22 (52). 12 июня. http://www.rusrep.ru/2008/22/interview_podoroga/

21. Что пришло к нам из 1968-го // Русский репортер. 2008. № 16 (46). 1 мая http://www.rusrep.ru/2008/16/iz_istorii/

22. Чудакова М. Прошло ли прошлое? // Отечественные записки. 2008. № 1 (40). <http://www.strana-oz.ru/?numid=41&article=1633>

23. Шимов Я. «Ян Палах? Это какой-то спортсмен?» Молодые чехи забывают советское вторжение 1968 года // The New Times. 2008. № 33 (79). 17 августа.

Сначала несколько пояснений. Есть две причины, по которым мы сознательно перенесли обозрение «1968» на следующий — 2009 г. Во-первых, не все издания и издательства закрыли тему в срок. Некоторые выпуски выходят в 2009 г. с прошлогодней «юбилейной» датировкой. Во-вторых, историческая логика «1968» дает нам право продолжить разговор: календарный год формально закончился, но его отголоски слышны были еще несколько лет кряду,

завершившись на самом деле только в начале 1970-х. И наконец, последнее. Несмотря на количество публикаций, «1968» оставляет немало вопросов как для участников событий, так и для тех, кто думает и пишет об этом времени сегодня. Поэтому мы решили дать нечто вроде ретрообзора прессы 1960-х годов как интенсивной образовательной среды, отражающей и аккумулирующей важнейшие политические процессы, происходившие в советском обществе.

Юбилей 1968 г. в России отмечается, пожалуй, второй раз. Впервые о нем заговорили открыто лишь в 1998-м, когда тридцатилетие «магического года» совпало с российским дефолтом; политическим фоном сорокалетия стал мировой финансовый кризис. Целый ряд изданий посвятил этой дате тематические номера. Среди самых любопытных хотелось бы отметить журналы «Русская жизнь» и «Русский репортер», поскольку они собранием текстов, посвященных 1968 г., продемонстрировали реальное возвращение «журналистики факта», дали «прямую речь», вернули в сегодняшний контекст ключевые политические фигуры прошлого.

Все остальные выпуски либо археологичны, либо используют тему в сегодняшних политических дискуссиях. Фундаментальных исследований мало, разнокачественной интеллектуальной беллетристики вокруг одних и тех же сюжетов и персонажей много.

Отчасти ответы на поставленные вопросы обнаруживаются в документах 1960-х. Пресса свидетельствует о том, что в рассматриваемый исторический период возник (или возродился из пепла) абсолютно новый социальный институт, новая школа работы с реальностью. У этой школы есть свой директорат, свои ученики, последователи. В конце концов, у этого организма — одновременно образовательного и образующего — свои корни, своя история, аналоги, кульминация, разгромный финал. Некоторые важные, на наш взгляд, эпизоды и сравнения мы приведем ниже.

Новая журналистика в Советском Союзе 1960-х находит новые способы работы с политической реальностью и аудиторией, создает новый язык. Любопытно, что процессы, происходившие в журналистике и в реформировании образования (особенно средней школы), во многом стилистически похожи и наиболее ощутимо отражают перемены, происходящие в обществе.

Изменения в общественной жизни формировали новый социальный образовательный заказ общества, что неизбежно приводило к необходимости пересмотра как содержания, так и методики обучения. Требование это было услышано и педагогической наукой, и учительством, в среде которого уже давно зрела неудовлетворенность жесткими рамками «традиционности».

Эта неудовлетворенность вылилась в бурный поток новационных поисков, в появление школ передового опыта и, конечно, нашла отражение в педагогической науке. В конце 50-х — начале 60-х годов XX в. были запущены механизмы выживания и саморазвития школы. «Тезисы об укреплении связи школы с жизнью и о

дальнейшем развитии системы народного образования в стране», в которых нашла отражение концепция реформирования советской школы, были опубликованы в 1958 г. Сформулированная в них стратегия образования, ряд идей (создание многовариантных типов учебных заведений, школ для одаренных, развитие детской самостоятельности и творчества) широко обсуждались в прессе.

В период 1956–1961 гг. — после осуждения на XX съезде культуры личности Сталина, утверждения относительно демократических норм партийной и государственной жизни, проведения Н.С. Хрущевым преобразований в экономике, политике, социальной сфере — в печати появились работы, авторы которых стремились дать оперативный анализ изменений, происходивших в сфере образования. Дискуссии стали сворачиваться со второй половины 1960-х¹.

В журналистике в период 1956–1961 гг. впервые за много лет возникает реальное дискуссионное пространство. Проблемы образовательной политики наряду с экономическими темами становятся ключевыми. Социологические исследования проводятся по заказу изданий, при их живом содействии и участии. Можно говорить о тесном взаимодействии журналистики и социологии, сотрудничестве ученых и журналистов, становлении нового качества научной и публичной экспертизы — о превращении института прессы в серьезную образовательную структуру.

В конце 1950-х — в 1960-е годы возникает новое медийное пространство. В журналах и газетах, главных составляющих тогдашней медиасреды, идет активное переформатирование идеологии и стиля, захватившие все составляющие — от информационных заголовков до передовиц. Журналистская «кухня» становится главной медиасценой. Местами меняются происходящее за кулисами, предназначенное для внутреннего пользования, и «готовые блюда», традиционно предъявляемые публике. Аудитория журналов и газет становится соучастником их изготовления.

На волне политических перемен рождается новая журналистская прагматика, журналистика факта. Всеобщей мобилизацией медиасредств и возможностей литературы (писатели, рекрутированные в журналисты, в ту пору — частое, почти массовое явление) новое действующее медиапоколение (возрастные границы в нем не столь важны; «старика», «профессора» нередко были заодно со «студентами») добивалось расчистки смысловых завалов, доставшихся от предшественников, правдивого освещения текущих событий, разоблачения дутых величин.

¹ Зак Л.М. История культурного строительства в СССР в советской историографии (1956—1963 гг.) // Вопросы истории. 1964. № 2; Скаткин М.Н. Как соединять обучение с производительным трудом учащихся // Народное образование. 1959. № 3; Лейбенгруб П. Об активизации познавательной деятельности учащихся // Народное образование. 1958. № 9; Меджитов Д., Равкин З. Завтрашней школе нужен новый учитель // Народное образование. 1959. № 4; Ростовцева О. Роль руководителя школы в улучшении качества уроков // Народное образование. 1958. № 7; Пичугина Е.П. Развитие системы народного образования в условиях строительства коммунизма // От социализма к коммунизму. М., 1962; и др.

Истоки

Радикальным реформатором среды по праву считался Алексей Аджубей, полностью вписавшийся в новую ситуацию конца 50-х — начала 60-х, несмотря на неудобства, постоянно создаваемые им для партбюстителей и идеологов: «нужный человек в нужное время в нужном месте». Совпало все — личные качества, журналистские и организаторские способности, родственный статус и близость к власти, открывающая широкие возможности. Что было позволено Аджубею, пусть недолго, дозволялось немногим. И его бесконечные оговорки на этот счет в книге «Те десять лет» (М., 1989) только подтверждают сознательно используемую двойственность положения.

Те десять лет с трудом укладываются в головах очевидцев и тех, кто позднее пытался предложить какие-либо рациональные объяснения.

Чего стоят предания известинцев о том, как обставили одного медиамагната — то ли владельца, то ли главреда The Sunday Times, приехавшего посмотреть Советский Союз, а заодно и познакомиться с его прессой. Аджубеевские «Известия» оказались той самой образцово-показательной площадкой, куда и повели простодушного британца. Прощаясь, он проговорился, что у его газеты есть право на публикацию мемуаров Чаплина. Гость за порог — а у смекалистых русских журналистов вмиг родился красивый план, как переиграть конкурента. И вот уже через пару часов, а может, и спустя сутки (детали расходятся), к ошарашенному Чарли Чаплину с ведром черной икры из Елисейского влетает лондонский корреспондент «Известий» и получает эксклюзивное разрешение: в результате чаплинский текст напечатан утром на первой полосе. В The Sunday Times все проверили и признали нечаянное поражение.

В особом шестидесятническом типе редакционной среды — квинтэссенция советского быта: и школа, и университет, и коммуналка, и семья. Несколько изданий представляли собой такие «кузницы кадров», которые потом, сохраняя свое ядро, вращались в другие структуры, иногда и не журналистские вовсе — НИИ, партийные и прочие. «Комсомолка» в ту пору считалась истоком, началом всех начал. Как вспоминали очевидцы, там был «дух», «атмосфера», «обстановка» — «бульон», субстанция очень важная для русской культуры. Вторая важная деталь — взаимное «оплодотворение поколений»: ветераны газеты, сорокалетние «старики», в прошлом военкоры, и молодые, часто нежурналисты по образованию, полученному после 1953-го или 1956-го, вместе непрерывно генерировали идеи.

Журналистика
60-х — универ-
ситетский
продукт

И в России, и не в России ее создатели — студенты либо вчерашние выпускники плюс молодая профессура.

Гарри Стейн (Harry Stein), журналист, начинавший свою карьеру как раз в то время, вспоминает в своей книге «Как я случайно стал участником масштабного правого заговора (и обрел душев-

ное спокойствие)»: «Вот почему мы — молодые люди, выпускавшие газету «Студенческая жизнь» в небольшом калифорнийском Pomona College, — были так поражены, когда прочитали в один прекрасный вечер 1968 г. направленную против нас передовицу ежедневной газеты Pomona Progress-Bulletin, выпускавшейся в соседнем городе, где проживало не более 80 000 человек. В этой редакционной статье утверждалось, что мы не просто хулиганы (с чем мы не стали бы спорить), но — коммунисты».

Участники выступали в двойном качестве: и как журналисты, и как студенты, принимавшие самое активное участие в освещаемых событиях. Понятие «конфликт интересов» могло относиться к миру политиков и акул большого бизнеса, но не к юным идеалистам той поры.

Таким образом, политическая левизна в Америке входила (наряду с сексом, наркотиками и рок-н-роллом) в «джентльменский набор» знающего себе цену студента — завтрашнего журналиста.

Советский джентльменский медианабор включал в себя вещи по тем меркам вполне пуританские и одновременно рискованные, поскольку они выходили в опасную зону прямого противостояния власти. Все эти составляющие определяли тематический спектр: обсуждение возможностей построения «социализма с человеческим лицом», раскрепощение человека, расцветшее пышным цветом журналистское человековедение и обществоведение, а в самиздате — развернувшийся «всеобуч» политического противостояния власти. Расширились ресурсы получения информации: главные источники ИНИОН (открылся в 1969 г.), глушимые «голоса», личные контакты.

Студентов интересовали главным образом три вещи: газеты, радио и журналы, а профессура в Штатах имела прямое отношение к медиа, входившим в мейнстрим, — New York Times, CBS News и The New Yorker. Советский журналистский мейнстрим в 1960-х годах тоже напрямую общался со студенчеством, молодежью.

На американской чаше весов перемешаны Вьетнам, сексуальная революция, студенческие бунты, наркотики, хиппи, психоделика, расовые проблемы, президентские выборы (победа Никсона в ноябре 1968 г.).

С русской стороны — смерть Сталина, XX съезд, хрущевская «оттепель», отстранение Хрущева, двадцатая годовщина Великой Отечественной, «заморозки», новые политические процессы и диссидентское движение (дело Синявского и Даниэля, первые митинги гласности, протесты против судебного произвола, подпольные организации, национальные и иностранные, действовавшие на территории СССР), возникновение самиздата и, наконец, 1968 г. как густок и кульминация новой идеологии, как год перелома.

Участник диссидентского движения Вячеслав Игрунов вспоминает: «Массовые репрессии сами по себе уже ушли в прошлое.

Более того, вернулось огромное количество прежде репрессированных людей, и они стали достаточно спокойно жить и писать свои произведения и даже давать читать узкому кругу людей. В Москве ситуация была относительно свободной. Здесь можно было встретиться с дипломатами, с журналистами. Возникло ощущение «оттепели» ... Чтение самиздата для многих людей не было протестным — ну вот как сейчас редкую книжку достать. Как массовое явление политический самиздат не распространялся, и люди, которые распространяли самиздат, как правило, не были ориентированы на протест. Это, скорее, было любопытство». Но после дела Синявского и Даниэля направленность самиздата резко изменилась. Он стал политическим. Играли — «до полной гибели всерьез».

Журналистика
и образование
60-х предъявляют
новый за-
прос

Любопытно, что во многих обсуждениях как школьной реформы, так и нового качества прессы среди общих задач, стоявших перед теми, кто перестраивал систему образования и прессу, выдвигалась цель сделать получение знания, информации интересным процессом.

«Интересное», «увлекательное читателя и ученика» — ключевые слова в тогдашних неписанных программах переустройства журналистики и школы, которые часами обсуждались в редакционных кухнях. Постулатом в них звучало следующее: ничего интереснее живого факта нет, не было и быть не может.

К реальному факту пробивались несколькими путями. Но главная дорога — это письма¹: письма-доносы, письма информационные, письма протестные. Эпистолярный прорыв совершался в сфере массмедиа задолго до становления полноценной журналистики факта. Вторая половина 1950-х — начало 1960-х годов — эпидемия писем, направляемых в прессу, — ею охвачена вся страна. Возникают почти автономные структуры — «отделы писем» в газетах и журналах, — циркуляция материалов в которых необычайно высока. Нарастающий поток писем постепенно подчиняет темы, язык, жанры и «выпекает» нового автора.

Эпистолярная как в официальной прессе, так и в андеграунде стала главной формой коммуникации и рождения журналистики факта. «Комсомолка», «Известия», «Новый мир» — ее главные штаб-квартиры — нередко соперничают друг с другом. В них складываются новые отношения, новобранцы проходят «курсы совместной коллективной ломки» старого наследия. Работа с письмами — общая школа новой журналистики. Тот же Аджубей вспоминал: в «Комсомолке» уже в самом начале 50-х больше, чем в других газетах, до-

¹ Эпистолярное начало — вообще характерная национальная черта русской классической культуры. В культурном феномене переписки — как частной, так и нередко официальной — обычно концентрируется «умственное напряжение» и проговариваются наиболее важные, болезненные темы, которые потом найдут отражение в разных жанрах: экспертных записках власти, общественных дискуссиях и публицистике. Феномен русской бытовой и интеллектуальной «закулисной» эпистолярной — один из видов экспертной журналистики, фокусирующей и активно использующей этот культурный пласт.

пускались свобода мнений, спор, поощрялась острая тема. Там приветствовали тех, кто любил письма, шел к теме от реальных историй, от факта жизни, а не от схем, какими заполнялись тогда страницы многих газет¹. Почта сельхозотдела в «Советской России» росла в геометрической прогрессии, причем письма содержали реальный анализ, предложения, сложные и интересные описания.

Публичная эпистолярная 1960-х оказалась великой лабораторией, открывшей многие общественные клапаны. Письменный способ выпуска скопившегося за несколько десятилетий пара стал достаточно эффективным и надежным средством возвращения годами искореняемой речи.

В пламени эпистолярного порыва 60-х зажигались многие звезды отечественной журналистики из образовательного сообщества, к тому же целый ряд форм самиздата как практического руководства протестного действия апробировался и проходил там боевое крещение², кроме того, в этом котле эпистолярной рождалась отечественная социология как побочная дочь журналистики.

В той же «Комсомолке» возникла уникальная структура — первый Институт общественного мнения под руководством Б.А. Грушина, философа-методолога, который пытался приложить свои конкретные профессиональные знания к журналистской практике и к тому же был полон научных амбиций, обладал важными связями с

¹ Аджубей Р.Н. «Решающий шаг был сделан». Пресса в обществе (1959—2000). М.: Московская школа политических исследований. 2000. С. 24.

² Так, 5 декабря 1965 г. в сквере на площади Пушкина состоялся митинг гласности. За несколько дней до него в ряде столичных вузов было распространено «Гражданское обращение». В тексте документа перемежаются три «слоя». Первый содержит факты, цифры, данные, почти канцелярские ссылки, второй — «общие места», эмоциональные призывы, общую протестную революционную риторику, третий — прямое руководство, структурно и стилистически отсылающее к многочисленным инструкциям и циркулярам: «В данном случае есть основания опасаться нарушения закона о гласности судопроизводства. Общеизвестно, что при закрытых дверях возможны любые беззакония и что нарушение закона о гласности (ст. 3 Конституции СССР и ст. 18 УПК РСФСР) уже само по себе является беззаконием. <...> Кровавое прошлое призывает нас к бдительности. Легче пожертвовать одним днем покоя, чем годами терпеть последствия вовремя не остановленного произвола». Акция была приурочена ко дню Конституции, и главным лозунгом было как раз соблюдение Конституции, а отнюдь не освобождение арестованных. Еще одним доказательством сугубо мирных намерений собравшихся, их попытки донести до власти свои вовсе не чрезмерные требования были изложенные в «Гражданском обращении» правила поведения на митинге: «У граждан есть средство борьбы с судебным произволом, это — «митинги гласности», во время которых собравшиеся скандируют один-единственный лозунг «Тре-бу-ем глас-но-сти су-да над...» (далее следуют фамилии обвиняемых) или показывают соответствующий плакат <...> Во время митинга следует строго соблюдать порядок. По первому требованию властей разойтись следует расходиться, сообщив властям о цели митинга».

Однако карательные методы, примененные против собравшихся на площади 5 декабря (несколько десятков человек были арестованы, некоторые впоследствии исключены из комсомола и учебных заведений), сыграли важную роль в радикализации тона письменных заявлений и требований.

В самиздат попали письма жен Синявского и Даниэля после упомянутого митинга и получили статус журналистского текста. Свои письма Генеральному прокурору они разослали также и в редакции газет «Правда», «Известия», «Литературная газета». И Мария Розанова, и Лариса Богораз в своих письмах создают синтетический жанр. В нем элементы репортажа, очерка, аналитического комментария и практического руководства: «Следствие располагает сведениями о моей интимной жизни и об интимной жизни моего мужа. <...> Получены они незаконным путем: просматривалась моя личная переписка, прослушивались разговоры в доме. Но самое возмутительное, что эти сведения сообщались совершенно посторонними лицам, моим знакомым и знакомым моего мужа и т.д.»

разного рода полезными для дела специалистами — социологами, статистиками, математиками. Сам автор проекта не раз печатно и устно делился подробностями этого проекта. Отношения науки и журналистики были и остро конфликтными, и дружественными одновременно. Поэтому так интересен симбиоз науки и прессы, социологии и журналистики в пионерском проекте, запущенном «Комсомолкой». Союз был счастливым, но недолгим и держался за счет временных компромиссов, которые и подорвали проект изнутри. Журналистам во многом чужды были задачи ученых, результаты работы использовались для наполнения еще одной газетной рубрики. Понятны напряжения, возникавшие с обеих сторон. Закрытие проекта в «Комсомолке», наоборот, повысило «кредиты» социологии, и социологические опросы стали публиковаться в «Известиях», «Литгазете», «Новом мире», в журналах «Наука и жизнь», «Знание — сила», предоставляя дополнительные аргументы или опровержения — другое измерение журналистики факта.

Участие в общественно-политическом издании экспертов-нежурналистов высочайшего класса создает возможность передачи новой информации о реальности, нового знания, открывает дорогу автору-нежурналисту — советскому обывателю, ученому-спецу. Диапазон авторского пула тем самым расширяется чрезвычайно.

Журнальная среда создавала качественное экспертное знание. Не случайно «публицисты-технологи» (как они сами себя называли) становились публицистами-экономистами; защита научных диссертаций в этом кругу была нередким явлением. «Образовалось целое поколение журналистов, которые по-настоящему увлеклись социальными проблемами и пытались дать ответы на сложные вопросы общественной жизни. Те, кто научился отвечать на эти вопросы и видеть корни явлений в человеке, его положении в системе экономических отношений, становились журналистами-обществоведами» (Александр Волков — о появлении первых ростков экспертной журналистики как территории журналистики факта).

Советский автор 1960-х годов ненадолго получил доступ к страницам официальной прессы и создавал актуальную политическую повестку, обживая окопы рыночной экономики¹ или социальной сферы — казалось бы, частные и локальные. Он в полной мере сделан по международному лекалу. Его «выковыривали», находили или он вылезал сам, мучимый беспокойством, нередко корежа собственную блестящую карьеру², и пускался, насколько позволяла

¹ Вячеслав Игрунов, рассказывая о своем участии в одной из подпольных организаций, упомянул об общем настроении, бытовавшем не только в диссидентских кругах: «К этому времени для нас уже было совершенно очевидно, что нужна рыночная экономика, что социализм, коммунизм — это вещи нереальные в том смысле, в котором нас учили в школе».

² Случай Геннадия Лисичкина, автора знаменитой в 1960-х годах работы «План и рынок», выпускника МГИМО, мидовца, променявшего благополучие и спокойствие дипслужбы в Копенгагене, в Женеве, в представительстве ООН, на работу в одном из колхозов Казахстана, — один из многих. Его кредо было и есть: стратегическая независимость, безопасность начинается с того, что в стране есть элементарное количество картошки, хлеба, молока, мяса. Вся экономика может выстроиться под сельское хозяйство. В той же обойме — очеркисты Аграновский, Черниченко. Журналисты-шестидесятники — люди из одного теста.

система, во все тяжкие, сталкиваясь с советскими реалиями (колхоз, завод, сельская глубинка, а если тюремная камера, то надолго — по известной статье УК со всем вытекающим отсюда лагерным кошмаром). Авторы, прошедшие такую школу, нередко практиковали следующее: короткими, на полполосы-полосу, материалами в газете, в «Известиях» или в «Правде», они закладывали базу и почти синхронно печатали фундаментальные очерки листа на полтора-два в «Новом мире». Этот механизм был хорошо отлажен и работал несколько лет, приучая читателя к особой технике чтения: дискуссия в прессе, следующая стадия — битье, разгром, кампания в той же прессе, письма рабочих, колхозников, академиков и ученых. Нельзя сказать, что сценарий предполагал линейную конструкцию. Напротив, структура ветвилась и вспучивалась каким-нибудь неожиданным поворотом, когда начальство в ЦК, пристально следившее за всем происходившим, допускало утечку информации, поступал сигнал об угрозе (автору или изданию), и тогда начиналась новая комбинация в многоходовой игре с властью¹. Так или иначе экспертный опыт, докладные записки журналистов принимались к сведению в верхах². Другое дело, что чаще всего этот учет приводил к отрицательным результатам и в конце концов ломал судьбы.

Советский институт журналистики 1960-х был настолько полифункционален, что успешно замещал академические исследовательские площадки, ассимилировал науку и создавал свою литературу. Дискуссии, которые разворачивались в тогдашней прес-

¹ Александр Волков, сотрудник «Правды» в 1960-х, о практиках составления текстов того времени вспоминает: «Мы верили в возможность кардинальных реформ... Вот и шли в “Правду”, чтобы “влиять”. И не только на партзактив, но и на массовое сознание тоже — ведь тираж газеты подходил к десяти миллионам экземпляров. Позиция газеты в то время имела смысл: в КПСС существовала как бы не одна партия. Одни были ортодоксами, другие хотели перемен. Мы находили общий язык со многими хозяйственниками в отношении к тем же реформам, даже к идее рыночных отношений. С некоторыми секретарями обкомов — тоже. Помню, уговорили первого секретаря Тамбовского обкома партии написать нужную нам статью; он при этом решал свою задачу — “показать область”, мы — свою: вставить в текст один важный абзац, который от нашего имени не прошел бы, а у столь видного партийного деятеля прошел, и мы потом на него сто раз ссылались и в “Правде” и в “Новом мире”».

² Тот же Волков скрупулезно описывает всю «механику» формирования советской новой журналистики, смену «старой шкуры» и мучительное освобождение от иллюзий, нарастание новой плоти. Волков — не столичный. И это тоже крайне важно. Он шел от конкретного опыта работы в «Алтайской правде», наглядно выявлявшей остроту сельских и промышленных проблем. Потом все это пригодились в центральной прессе. На поверхности были диспаритет цен на промышленную и сельхозпродукцию, слабость стимулов к развитию производства, администрирование. «Мы и шли в своих статьях, в организованных нами дискуссиях от конкретного, частного к общему. Мы начинали видеть, что эти частности возникают из нерешенности каких-то более общих проблем, теоретических вопросов, из принципов устройства нашей экономики... Как раз в ту пору многие из нас переходили как бы в новую категорию журналистов, на новую ступень журналистики. Если прежде, в 50-х годах, мы сосредоточивались на вопросах технологии, то теперь усматривали корни в ином. Мы раньше, представляя себя на месте председателя колхоза, думали, что достаточно применить в хозяйстве все уже созданное наукой, проявить энергию, волю — и добьешься успеха. Поэтому и подавали заявления с просьбой послать в колхоз в числе “тридцатитысячников”. Я тоже подал такое заявление, прошел пять инстанций... Каждый из нас специализировался: один на сельском хозяйстве, другой на промышленности, кто-то и еще уже — на угле или нефти (кстати, я сам после университета учился заочно в сельхозтехникуме, считая важным постичь агрономию, коль пришел в сельхозотдел)».

1968 г.
как кульмина-
ция

се¹, были абсолютно невозможны в университете или в специализированных журналах, находившихся под контролем ученых, редколлегии, блокировавшей темы и материалы посредством введения многочисленных процедурных барьеров. Уникальность этих обсуждений заключалась в том, что они стимулировали возникновение в Советском Союзе нового типа культуры, вобравшей элементы журнальной, художественной, научной, образовательной прозы.

1968 г. отчетливо показал, как вместе с известными политическими событиями, смысл которых был ясен немногим, постепенно и повсеместно наползает старая мутная риторика общих слов, инсказаний, эвфемизмов, лозунгов и клише, все прочнее блокирующая реальность (табл. 1).

К примеру, одной из самых острых тем для обсуждения стало исключение из Союза писателей Александра Солженицына. Это событие вызвало новый шквал писем, в частности так называемые письмо тридцати девяти, письмо четырнадцати. Письма были адресованы Союзу писателей, который обвиняли в «публичной казни» писателя. Одновременно нарастало количество процессов. Реформы сворачивались. Политический и цензурный контроль становился все более жестким. Одним из основных барометров «понижения» общественной температуры по-прежнему оставалась пресса. Табуирование важных тем, характерные изменения лексики, искажения, разумеется, активно резонировали в образовательную сферу.

Таблица 1 Сопоставление тематики заголовков и материалов советских изданий с хронологией событий, происходивших в мире в 1968 г.²

Темы заголовков и материалов советской периодики в 1968 г.*	События, произошедшие в 1968 г. и вошедшие в мировую историю
Война во Вьетнаме Убийство Мартина Лютера Kinga 150-летие со дня рождения Карла Маркса Забастовка рабочих и студентов во Франции	ООН объявляет 1968 г. Годом прав человека Продолжается война во Вьетнаме (1957–1975 гг.) Пражская весна — политическая либерализация в Чехословакии с 5 января по 20 августа 1968 г.

* Темы и события даны в хронологическом порядке.

¹ В 1964 г. в «Советской России» параллельно шли три дискуссии: о материальном стимулировании производства, о земельном кадастре и цене на землю (тема остается острой и нерешенной спустя 45 лет), о проблемах Нечерноземья. Любопытна эта дискуссионная драматургия в журналистике: все линии сюжетов через год слились в одну — перед мартовским пленумом ЦК КПСС 1965 г. Судя по документам и публикациям, выстраивалась характерная для ситуации в целом и новой журналистики в частности хроника событий: сначала в газете появилась обобщающая, но очень конкретная статья — «Проблемы сельской экономики». Далее по заданию Воронова и Полянского сотрудники газеты подготовили аналитическую записку, а затем, как водится, находили «отшелушенные», вырванные из контекста фразы в решениях пленума, цитировали и ссылались на них. Сильным вкладом в экономическую дискуссию того времени была статья академика В.С. Немчинова «Социалистическое хозяйствование и планирование производства» (Коммунист. 1964. № 5), в которой были изложены все основные принципы косыгинской реформы. Вскоре после этого дискуссии искусственно разделились на два «рукава»: промышленный и сельскохозяйственный. Получался вполне отработанный круговорот, «полный цикл» взаимодействия между политикой, наукой, журналистикой и обществом.

² Анализ прессы в данном разделе подготовлен О. Цыкаревой и К. Егоровой.

Окончание табл. 1

Темы заголовков и материалов советской периодики в 1968 г.	События, произошедшие в 1968 г. и вошедшие в мировую историю
Вражеское вещание «Голоса Америки» и других радиостанций Запада Военные учения по Варшавскому договору США намерены бомбить Сирию, Ливан, другие страны... 20-летие событий Второй мировой войны (Сталинградская битва, Курская дуга) Ввод в Чехословакию советских войск и войск стран Организации Варшавского договора (20 августа 1968 г.) Выборы в США, победа Никсона (ноябрь 1968 г.)	Студенческие забастовки в странах Западной Европы и Америки «за свободное образование» (против власти руководства университетов) Убийство Мартина Лютера Кинга (апрель 1968 г.) Всеобщая забастовка рабочих во Франции, в которой приняли участи 10 000 человек (май 1968 г.) В результате переворота (в 1968–2003 гг. именовалась Июльской революцией) к власти в Ираке пришла партия «Баас» (июль 1968 г.) Ввод в Чехословакию советских войск и войск стран Организации Варшавского договора (20 августа 1968 г.) Выборы в США, победа Никсона (ноябрь 1968 г.)

Как можно увидеть из табл. 1, далеко не все темы, важные для мировой общественности в 1968 г., были освещены советской периодикой. Логика, принцип отбора и расстановка акцентов в их освещении, — факторы, лежащие в основе данного рейтинга тем.

1. Война во Вьетнаме стала самой популярной темой в советской периодике 1968 г. Война между Южным (подконтрольным США) и Северным (лояльным СССР) Вьетнамом не могла не стать главной темой советских СМИ по определению. Главный акцент: вьетнамский народ един, и «в едином порыве» он противостоит «кровавому замыслу правительства США». Советские авторы эксплуатируют старую схему: виноваты только американские политики и военачальники, отдающие приказы. Народ не ведает, что творит руководство. Неведение освобождает от ответственности и вины.

2. Вторым по популярности сюжетом стала тема забастовки рабочих во Франции и в других странах Запада. Пресса навязывала интерпретацию: забастовка рабочих фабрики «Рено» должна восприниматься исключительно в свете «отстаивания рабочими своих прав перед эксплуатирующим их руководством».

Интересен еще тот факт, что о забастовках студентов во Франции и США в советских изданиях было сказано не так много (особенно на фоне обширной серии заметок о бастующих рабочих). Возможно, потому что студенческие забастовки в некоторых случаях были связаны с движением хиппи и так называемой сексуальной революцией, а в большинстве случаев — с требованиями свергнуть ректорат университетов. Студенты требовали изменения дисциплинарных регламентов, обеспечения доступа к управлению университетами наравне с ректоратом. Студенты, в отличие от отстаивающих свои права рабочих, хотели получить реальную власть.

3. Убийство Мартина Лютера Кинга. Здесь тоже важна расстановка акцентов: Мартин Лютер Кинг выступает в роли гуманиста, космополита, а его убийцы названы «американскими расистами».

4. Содержание журналов 1968 г., и особенно статьи в «Огоньке», свидетельствуют: советская периодика проявляла нездорово-

вый интерес ко всему американскому. Серия статей о «вражеской пропаганде», которую Соединенные Штаты ведут по всему миру посредством американского и европейского радиовещания, совпала по времени с действиями военного руководства СССР: в 1968 г. в СССР начали глушить сигналы западных радиостанций. На общем фоне миролюбивых и жизнеутверждающих советских заголовков выделяются агрессивные, «желтые» заголовки антиамериканских материалов «Огонька». Авторы этих статей выступали с жесткой критикой всего, что делалось в США и Западной Европе. Например: «Картежники из НАТО», «Стратегия диверсий и террора» (о действиях военных сил США во Вьетнаме), «Гангстеры попадают в суд».

5. Ввод войск стран социалистического лагеря в Чехословакию стал одним из ключевых событий 1968 г. для мировой истории. О вводе советских войск в ЧССР упоминается только в «Огоньке», в одном августовском и двух сентябрьских номерах. Из этих заметок можно узнать лишь о том, что дружественной республике потребовалась незамедлительная помощь (в том числе вооруженными силами), и СССР ее предоставил. Конечно, в то время вряд ли был возможен объективный анализ демократических реформ Александра Дубчека в открытой печати, однако показателен сам факт того, что про Чехословакию говорили мало. Всего несколько заметок на фоне информации о войне во Вьетнаме, проходившей в каждом журнале и в каждой газете, а сообщения по радио о количестве сбитых американских самолетов шли каждый день. Все население страны было в курсе событий в далеком Вьетнаме, но решительно никто не смог бы сказать больше двух предложений о событиях в Чехословакии.

6. Выборы в США. Освещение выборов по жанру и форме подачи не отличается от серии материалов про пагубность вражеской пропаганды. Приемы и принципы отбора фактуры одинаковые, в стиле «желтой прессы». Для фотографий главное — наглядная жестокость, насилие, для самого материала — сниженный язык, а также скандальные подробности, без которых не обходятся биографии кандидатов в президенты. «Главный враг» как составляющая идеологии.

В заголовках статей активно используется военная лексика. Особенно ярко эта тенденция прослеживается в «Огоньке», в статьях на сугубо мирные темы, например статья «И снова в бой» посвящена сборной СССР по хоккею, «Синие атакуют землю» описывает недавно открытые сине-зеленые водоросли.

Обильно публикуются материалы о настроениях интеллигенции в США, которая, по утверждению авторов, практически в полном составе выступает против официальной политики. Приводятся примеры бойкота научным сообществом заказов армии. Общая мысль сводится к тому, что американское общество — жертва преступных действий собственных властей. Аналогичным образом интерпретируются и выступления студентов в Европе. На этом фоне

существует целый ряд статей о распространении коммунизма и русского языка в мире.

Самиздат возникает как новая школа, в которой учатся распознавать риторику «пустого», ложного и лживого слова и сопротивляться ей. Причем эволюция самиздатовских текстов происходит буквально на глазах. За считанные годы заметно сокращается доля «звонкой монеты», «веселых революционных призывов». В эпистолярных кампаниях, репортажах с судебных заседаний, очерках о том, «что и как происходит с осужденными на самом деле», все большую текстовую площадь занимает статистика, реальный перечень фамилий, цифр, дат. Восстановление реальности, информационная сангигиена начинались с элементарного, с простых данных, которые вытравливались и искажались в официальных версиях. Выживаемость в этих условиях зависела от сохранения и фиксации самых необходимых вещей, от проведения фактологической и информационной дезинфекции и экспертизы.

Важно отметить, что самиздат — это нежурналистская журналистика, созданная людьми разных профессий (гуманитарии — филологи, лингвисты, литераторы — отнюдь не составляли большинство, а участвовали в нем наравне с физиками, математиками, программистами), единицы представителей медиацеха погоды не делали, и не их голос был главным.

«Хроника текущих событий», оформившаяся в полноценное издание в 1968 г. (меняла структуру и объем, состав участников, выпускающих, схемы подготовки материалов, распространения, технологию подготовки вплоть до начала 1980-х), — центральный диспетчерский узел, штаб-квартира протестных движений, журналистики факта, все глубже уходящей в подполье.